

В. М. Анисимков

**РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ
УГОЛОВНЫХ
ТРАДИЦИЙ ТЮРЬМЫ**

Валерий Михайлович Анисимков

Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283121

Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / Анисимков В. И.:

Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003

ISBN 5-94201-261-X

Аннотация

Работа посвящена проблеме субкультурных взаимоотношений лиц, лишенных свободы. Анализируются элементы подкультуры, сложившейся в «тюремной общине»: традиции и обычаи, уголовный жаргон, татуировки, развлечения и т. д. Особое внимание уделяется исследованию стратификации заключенных, ее причин и эволюции – от дореволюционной России до наших дней. Используются данные опросов, проведенных как среди самих осужденных, так и среди работников уголовно-исполнительной системы. Книга будет полезна юристам: теоретикам, прежде всего представителям криминалистического цикла наук, и практикам, в первую очередь специалистам органов исполнения наказаний. Заинтересует работа и культурологов, социологов, историков и всех тех, кто хотел бы познакомиться с проблемой пенитенциарной субкультуры.

Содержание

От автора	6
Глава I	8
§ 1. Постановка проблемы исследования	8
§ 2. Истоки криминальном субкультуры	15
§ 3. Классификация криминальных подкультур в обществе	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Михайлович Анисимков

Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы

*Памяти моего друга Геннадия Николаевича
Чиндина посвящаю*

Рецензенты:

В. И. Селиверстов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Ю. В. Голик, доктор юридических наук, профессор

Reviewers:

*Honored Science Worker of the Russian Federation,
Doctor of Law, professor V. I. Seliverstov
Doctor of Law, professor Yu. V. Golik*

V. M. Anisimkov

Russia in the Mirror of Prison Criminal Traditions. – St.
Petersburg: “Yuridichesky Center Press”, 2003.

The work is devoted to the problem of subculture interrelations of persons deprived of freedom; analyses elements

of subculture formed in “prison community”: traditions and customs, the underworld, tattoos, entertainments, etc. Special attention is paid to the research of stratification of prisoners, its reasons and evolution – from pre-revolutionary Russia until now; uses data of interviews carried out both with the convicted criminals and with those who work in the criminal enforcement system.

The book will be useful for lawyers: theoreticians, first of all, for the representatives of criminalistics cycle of sciences, and practitioners, in the first place, for specialists of the bodies of the enforcement of punishment. It can arouse interest of specialists in cultural studies, sociologists, historians, and everybody who would like to get acquainted with the problem of penitentiary subculture.

© V. M. Anisimkov, 2003

© Yuridichesky Center Press, 2003

От автора

Тема настоящего монографического исследования весьма широка и довольно экзотична, поэтому автор не претендует на полное ее освещение. Вопросы преступности, ее истории в России нашли отражение в трудах ведущих криминологов современности Ю. М. Антоняна, А. И. Гурова, А. И. Долговой, И. И. Карпеца, В. В. Лунеева, С. Я. Лебедева и др. Но то, что предлагается читателю на страницах данной книги, имеет собственный аспект. Она раскрывает сложные и противоречивые отношения в криминальной среде, по-новому, изнутри освещаются единые проблемы тюрьмы и общества. Не считаю выбранный подход предпочтительней других, если в работе я стараюсь на примере генезиса «тюремной общины» показать реальное лицо преступности, то лишь потому, что именно с ней мне было дано познакомиться в течение многих лет практической деятельности в исправительной колонии особого режима.

Преступный мир и общество – сцена одного театра. В реальной жизни они не существуют раздельно и связаны между собою социологически и, если можно так выразиться, – духовно.

Отмеченный тезис положен в основу данных очерков.

В работе над исследованием для меня было весьма полезным общение со многими людьми, за обсуждение и критику

ческие замечания я признателен В. П. Артамонову, Вл. М. Анисимкову, Л. И. Беляевой, Ю. И. Бытко, В. И. Дробышеву, А. И. Зубкову, С. И. Кузьмину, С. А. Капункину, Ю. К. Лукьянову, В. Д. Малкову, Н. П. Иванику, М. С. Рыбаку, П. Г. Пономареву, О. В. Филимонову.

Глава I

Теория криминальной субкультуры

§ 1. Постановка проблемы исследования

Чтобы дать представление о внутренней жизни преступного мира, нам понадобится вначале обратиться к результатам теоретических изысканий: это позволит читателю подготовиться к прочтению последующих глав работы.

Субкультура – явление сложное и многогранное, она функционирует во всех социальных системах и служит необходимым условием их жизнедеятельности. Каждый класс, социальная группа, иная общность людей обладает своей собственной системой ценностных ориентаций, присутствуют они, разумеется, и в криминальном мире. Очевидно, что уголовная субкультура является продуктом преступной и антиобщественной деятельности, вырабатывается ее опытом, сохраняется из поколения в поколение в среде правонарушителей. Поэтому нам представляется, что в теоретическом плане в криминологии она предстает в виде сквозного явления, проходящего через все теоретические разработки о преступности, личности преступника, причинах противоправ-

ного поведения.

Каковы корни этого феномена, его отличительные черты, какова его асоциальная сущность? На эти и ряд других вопросов мы постараемся дать ответы в настоящем разделе монографии.

Криминальная субкультура рассматривается в работах по криминологии, уголовно-исполнительному праву и юридической психологии практически на всем протяжении их существования¹. Из отечественных ученых много внимания ей уделил М. Н. Гернет в своих трудах «Право и жизнь» (М., 1923), «В тюрьме» (М., 1925), «История царской тюрьмы» (М.-Л., 1951). В этих работах исследуется среда обитателей тюрем, их обычаи, традиции, развлечения (тюремные игры). Помимо простого описания данных явлений, в исследованиях показывается и их антиобщественная сущность.

Анализ отдельных жестоких нравов преступного мира приводится также Г. Н. Брейтманом в книге «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников» (Киев, 1901). Кроме того, многоплановое исследование субкультуры осуществляли известный дореволюционный ученый-этнограф С. В. Максимов и историк, писатель В. М. Дорошевич². Они выявили особую структуру статус-

---

¹ *Говард Дж.* Худые обычаи в английских темницах. В кн.: Театр судопроизводства, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции. М., 1791. Ч. 4. С. 94–103.

² *Дорошевич В. М.* Сахалин. Каторга. М., 1907. С. 263, 267, 277.

ных межличностных отношений индивидов в относительно обособленной криминальной среде, проиллюстрировали ее иерархичность, раскрыли содержание и значение неформальных правил поведения осужденных («правил заповедей арестантов»), исследовали тюремный фольклор и прочие атрибуты образа жизни привычных преступников.

Особое место в литературе о преступном мире того времени занимает произведение В. Крестовского «Петербургские трущобы»³. Книга посвящена описанию жизни «отверженных» обществом. Представляется важным подчеркнуть эрудированность автора в области уголовного жаргона, этим роман остается интересным и для современной криминологии.

В послереволюционный период рассматриваемому феномену посвящают свои труды Е. Г. Ширвиндт, Ю. Ю. Бехтерев, А. И. Швей, Л. Мельшин⁴. Названные ученые рассматривают преступный мир с его своеобразными отношениями, унаследованными от царской России. Ими вносится ряд предложений по изоляции хранителей уголовных традиций от иных правонарушителей в процессе исполнения наказа-

---

³ Крестовский В. Собрание сочинений. М., 1899.

⁴ Мельшин Л. В мире отверженных. М., 1933. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии безапелляционно констатировалось: «В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности... Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность» (Программа КПСС. М., 1961. С. 400).

ний.

Начиная с середины 30-х и до конца 50-х гг., за исключением исследования Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (М.-Л., 1935), научных изысканий по данной теме не проводилось. Ученые были практически отстранены от изучения проблемы, что, в конечном итоге, серьезно отразилось на формировании отечественной криминологической школы.

В 1957 г. вышла в свет книга В. И. Монахова «Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними». В ней автор подробно описывает особенности противоправной деятельности авторитетов уголовной среды («воров в законе»), исследует их внутренние межличностные отношения, показывает значение уголовных традиций и обычаев («воровского закона») в преступности. Попытка

В. И. Монахова привлечь внимание ученых к этому комплексу вопросов оказалась неудачной. Работа была засекречена и являлась доступной только для узкого круга криминологов.

В дальнейшем изучению рассматриваемого явления не уделялось достаточного внимания. Постулаты «победившего социализма», гласящие, что новому обществу преступность не присуща, что она является лишь переходным явлением, остаточной «заразой» капиталистического строя, не позволяли вести серьезные исследования отдельных сторон преступности.

Образовавшийся вакуум, образно выражаясь, заполнили произведения писателей и публицистов, которые на личном опыте столкнулись с уголовщиной в «сталинских» исправительно-трудовых лагерях⁵. В мемуарах политзаключенных имеются не обесцененные ненавистью данные о неформальных отношениях в среде заключенных. Особенно важны для их изучения произведения В. Шаламова. Он, на наш взгляд, более беспристрастно, чем другие, проанализировал виденное, показал жестокость представителей уголовной среды, объективно осветил роль «воровского закона» в их жизни.

По поводу других источников информации о преступном мире следует заметить, что многие публицисты, увлеченные уголовной романтикой, использовали лишь сюжеты из жизни привычных правонарушителей. Познания авторов об исследуемом феномене на этом, как правило, исчерпывались.

Термин «криминальная субкультура» в официальных и научных источниках снова появился лишь в начале 80-х гг., когда преступность приобрела угрожающий для государства характер. При этом отсутствовало единое толкование проблемы. Объясняется это, думается, тем, что исследователи рассматривали указанное явление в различных аспектах, в связи с интересующими их вопросами. Одни раскрывают роль субкультуры в организованной преступности⁶, другие

---

⁵ Шаламов В. Левый берег. М., 1989.

⁶ Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990.

связывают ее со средой лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и этим во многом объясняют неэффективность деятельности пенитенциарных учреждений по исправлению правонарушителей⁷, третьи исследуют явление с позиций законов психологии⁸.

Кроме того, появился ряд диссертационных изысканий по рассматриваемой теме⁹. Данное обстоятельство, вопросы борьбы с преступностью обусловили и проведение научно-практических конференций, в которых приняли участие ведущие криминологи России¹⁰.

Исследуемой проблеме посвящены также многочисленные труды криминологов зарубежных стран. Д. Клемер, В. Миллер, К. Шрег, В. Фокс в своих работах обосновали изучение различных видов преступности с позиций соответствующих им своеобразных подкультур¹¹.

Различные аспекты субкультуры, отраженные в исследованиях, на наш взгляд, не дают оснований говорить о проведении глубокого сравнительного анализа существенных определений феномена. Вместе с тем проведенные современные исследования и источники прошлых лет позволя-

---

⁷ Стручков Н. А., Пирожков В. Ф. Асоциальная субкультура и ее профилактика // Исправительно-трудовые учреждения. 1982. № 20.

⁸ Хохряков Г. Ф. Социальная среда и личность. М., 1982.

⁹ Лебедев С. Я. Криминологическое изучение антиобщественных традиций и обычаев и их влияние на преступность: Дис... канд. юрид. наук. М., 1987.

¹⁰ Преступность и культура / Под ред. А. И. Долговой. М., 1999.

¹¹ Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 143.

ют вычленить составные его части. Во-первых, субкультура представляет собой систему искаженных ценностных ориентаций правонарушителей, объединенных в относительно обособленную общность; во-вторых, она включает в себя группу неформальных норм, установлений, представлений (традиций, обычаев, ритуалов, правил), регулирующих поведение ее представителей; и, наконец, в-третьих, находит свое отражение во внешних атрибутах преступного мира (в уголовном жаргоне, песнях, стихах, татуировках, кличках и т. п.).

Отдельные авторы также выделяют в качестве самостоятельного признака субкультуры традиционные способы противоправного поведения¹². Данную точку зрения мы не будем отрицать, хотя следует заметить, что способы поведения индивидов в конкретных повторяющихся ситуациях представляют собой обычаи.

---

¹² Якушкин Н. М., Зайцев В.В. Организация и тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы. М., 1995. С. 3.

§ 2. Истоки криминальном субкультуры

Теории субкультур подразумевают, что человек развивается в группе равных себе, у членов которой есть устойчивая система ценностей, отличающаяся от системы ценностей, существующей в обществе. В таких условиях личность во многом развивается в соответствии с установлениями и нормами своего окружения, не воспринимая ценностей культуры в целом. То есть теория исходит из ориентированного на социальную психологию подхода к вопросу о формировании личности, с позиций ближайшего взаимодействия и представления о коллективном поведении как социальном процессе.

На наш взгляд, данная позиция вполне согласуется с действительностью. Кроме того, она в достаточной мере находит свое подтверждение в работах отечественных ученых (А. Н. Мокрецова, Г. Ф. Хохрякова, И. В. Шмарова) о влиянии асоциальной микросреды на противоправное поведение индивида¹³.

В таких ситуациях индивид с неизбежностью ищет отношения, моральные стимулы своей деятельности и защиты в группах себе подобных. Несовершеннолетние правонару-

---

¹³ Мокрецов А. Н., Шмаров И. В. Микросреда осужденных в ИТУ. М., 1979.*
Выражение «другая жизнь» нередко исследователями применяется как синоним неформальным отношениям.

рушители, бродяги, наркоманы, лица, отбывающие наказание, объединяются между собой. Указанная закономерность подтверждается и результатами опроса различных категорий осужденных в местах лишения свободы. Так, более 90 % респондентов, осужденных за наркоманию, имели постоянные связи с наркоманами; 81 процент несовершеннолетних до осуждения входили в различные асоциальные образования, около 50 % из них поддерживали отношения с ранее судимыми.

Условиями же, способствующими образованию криминальных групп, являются: одинаковый возраст, национальность, место отбывания наказания или проживания и др.

В своем развитии рассматриваемые объединения проходят определенные ступени. В начале возникают предварительные эпизодические контакты, в процессе которых происходит изучение друг друга, затем устанавливаются более тесные знакомства, перерастающие в конечном итоге в постоянные связи. Сформировавшиеся наиболее устойчивые отношения образуют систему групповых искаженных взглядов, представлений и оценок действительности.

У подобных лиц, утративших надежду найти свое место в формальных отношениях, возникает потребность обрести себя и утвердиться в «другой жизни». Образно выражаясь, отвергнутые обществом создают свой замкнутый мир, и этим они сами, в свою очередь, отвергают тех, кто их отверг, их условия, правила жизни и ценности. В рамках груп-

повой деятельности у исследуемых индивидов происходит формирование и развитие чувства солидарной оппозиции к государственным, общественным институтам и общепринятой культуре. Внешнюю среду они начинают воспринимать как враждебную или, по крайней мере, как чужую. Такое устойчивое представление об окружающем мире с трудом в дальнейшем может корректироваться. Над ними постоянно довлеет аффективное чувство, что менее достойные пользуются большими благами. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в своей жизни, интерпретируются ими как результат действий иных лиц или неблагоприятных условий (см. табл. 1).

Таблица 1

**РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ОСУЖДЕННЫХ, ПРИ-
ЧИСЛЯЮЩИХ СЕБЯ К СУБКУЛЬТУРНОЙ СРЕ-
ДЕ, ПО ИЗУЧЕНИЮ ИХ МНЕНИЯ ОБ УСЛОВИЯХ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ИМИ ПРЕ-
СТУПЛЕНИЙ**

№	Содержание вопроса и предложенные варианты ответов	Количество осужденных, имеющих данное мнение, (в %) к общему числу опрошенных
—	Какие условия способствовали совершению Вами преступления?	
1	Недостойное поведение потерпевшего	25
2	Неудовлетворительная материальная обеспеченность	30
3	Не думал об уголовной ответственности, надеялся на безнаказанность	10
4	Неблагоприятная обстановка в семье	10
5	Иное (увлеченность уголовной романтикой; виновато общество; влияние других лиц)	25

Совсем по-иному такие лица относятся к представителям своей среды. Справедливо утверждает Г. Ф. Хохряков, что подобным личностям свойственна четко выраженная ориентация на такую ценность, как «мы»¹⁴. Причем ценность собственного «я» поддерживается за счет слитности его с «мы».

Нередко они именуют себя, соотносясь с определенной общностью, например: «мы – братва», «мы – воры», «мы – пацаны» и т. п. В своем «я» они склонны усматривать персонификацию «мы», а «мы» (группу), очевидно, невозможно сохранить без их активной деятельности. Указанное слияние собственных интересов с интересами ближайшего окружения требует интенсивного наделения этого неформального образования ценностными ориентациями. Вместе с тем

¹⁴ Хохряков Г. Ф. Указ. соч. С. 54.

отечественные и зарубежные авторы в своих трудах не делают акцентов на истоки и генезис элементов явления. На наш взгляд, всякую субкультуру, в том числе и любую ее разновидность, следует рассматривать через призму деятельности, так как изначально культура – деятельность человека во всех сферах бытия и сознания. Именно деятельность индивида, в том числе антиобщественная или преступная, является материальной предпосылкой его сотрудничества с другими, вызывает у него психологическую потребность общения с теми, кто близок к его ремеслу, взглядам, идеям, ориентациям. Ибо человек – существо социальное – всегда стремится принадлежать к какой-либо престижной для него группе. Если же он, в силу различных причин, выбирает преступное поведение, то со временем оказывается все более отчужденным от общественных, формальных связей (семейных, служебных, профессиональных) и главных позитивных ценностей общества. Объективно наивысшая десоциализация личности правонарушителя предопределяется сроком его пребывания в своеобразном, отверженном состоянии и степенью самоизоляции (изоляции, например, при отбывании наказания в виде лишения свободы). То есть делинквентная подкультура интенсивно развивается и поддерживается, как правило, в низших слоях общества и в среде осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Формируемые искаженные ценностные ориентации групп-

пы связаны прежде всего с основными интересами и направлениями деятельности ее членов. Они, с одной стороны, закрепляют групповую солидарность, с другой стороны, устанавливают враждебное отношение к индивидам или государственным органам, которые противостоят, причиняют «ущерб» преступному сообществу. Кроме того, корпоративные ценности в криминальных образованиях внутренне обосновывают и допускают ведение антиобщественного образа жизни и совершение правонарушений. Например, воровать, обманывать других, заниматься вымогательством для членов отдельных криминальных образований является доблестью, базовой ориентацией. Иными словами, то, что расценивается обществом как преступление или аморальный поступок и влечет за собой соответствующие правовые последствия, для представителей группировок считается чем-то почетным, чему отдельные из них и посвящают свою жизнь. Нередко из уст таких людей можно услышать: «У нас свой мир, своя мораль, свои дела».

Итак, возникающие наиболее устойчивые отношения на основе асоциальной деятельности индивидов в относительно замкнутой группе образуют систему общих для них ценностных ориентаций (оснований дифференцированной оценки действительности и общественных отношений). В названных ориентациях находит отражение попытка индивидов асоциальной среды примириться со своим противоправным ремеслом и оправдать свое поведение.

Вместе с тем, говоря о подобных общностях, необходимо подчеркнуть, что их внутреннее функционирование немисливо без определенных правил поведения, так как всякое устойчивое сплочение людей на основе какой-либо совместной деятельности неизбежно порождает определенную систему отношений, нуждающуюся в урегулировании ради достижения совместной цели.

В формальной организации такое урегулирование обеспечивается, как правило, официальными документами, нормами нравственности и др. В неформальном образовании, каковым является субкультурная группа, существует свой процесс «теневого нормотворчества», своя система внутренних правил поведения, традиций, обычаев, нравов, ритуалов, обрядов и пр., которые утверждаются в виде внутренних (корпоративных) ценностей. В основе такого неформального кодекса поведения находятся выработанные многовековым опытом противоправной деятельности антиобщественные традиции и обычаи. Специфическое содержание традиций состоит в воспроизведении из поколения в поколение представителями субкультурных образований установлений, принципов действия и представлений об идеалах, фиксирующих накопленный антисоциальный опыт и выступающих регулятивными основами освоения новых условий и задач противоправной деятельности. В свою очередь, обычай субкультурной среды – это унаследованный, привычный и стереотипный способ противоправного поведения лица в опре-

деленной ситуации, ожидаемый и поддерживаемый членами группы¹⁵. Оба явления предопределяют друг друга и функционируют только в устойчивых криминальных общностях. Наибольшую значимость они приобретают в среде лиц, лишенных свободы, где объективно отношения носят весьма консервативный характер.

Регулятивная функция присуща и иным элементам субкультуры, но традиции и обычаи – наиболее устойчивые формы регуляции поведения. Они, являясь продуктом антиобщественной и преступной деятельности, тесно связаны прежде всего с асоциальными ориентациями, взглядами, привычками и образом жизни индивида. При этом следует подчеркнуть, что набор таких ценностей предопределяется видом противоправной или асоциальной ориентации криминальной микросреды, а также степенью ее изолированности от общества. Группа всегда требует от своих членов неукоснительно следовать неформальным правилам, которые существенно отличаются от общепринятых норм взаимоотношений между людьми. С одной стороны, отмеченные явления способствуют их формированию, своеобразному пестованию. Человек чаще всего считает свою волю свободной, но он обманывает себя. Жизнь, природа, внешний мир, люди, среди которых он живет, нравы, традиции, обычаи действуют на него раньше, чем он понимает что-нибудь; они на-

---

¹⁵ Анисимков В. М. Традиции и обычаи преступного мира среди осужденных в местах лишения свободы: Учебное пособие. Уфа, 1993.

кладывают на человеческие взгляды, привычки свой отпечаток. С другой стороны, если индивидуальные антисоциальные привычки (например, вести паразитический образ жизни, играть в азартные игры) в определенных условиях перерастают в обязательные нормы поведения криминальных элементов, то они со временем приобретают силу традиций и обычаев, становятся основным костяком так называемых «естественных законов».

Обозначенные феномены исходят от сообщества правонарушителей в целом и способствуют привитию его членам чувства долга, противостоят индивидуализму, закрепляют иерархические связи в криминальной среде, а также регулируют иные наиболее значимые отношения для субкультурного образования. В самом деле, у лиц, входящих в подобного рода общности, есть чувство долга по отношению к своей группировке и есть обязанности, основанные на требованиях сохраняющихся установлений и принципов поведения. Последние во многом определяют единую групповую линию поведения. Каждый член группы выполняет в ней свою роль. Асоциальная среда всегда ожидает от своего представителя определенных действий в той или иной ситуации. То есть поведение человека в субкультурном образовании становится в значительной степени поведением групповым.

В подтверждение вышеизложенного, следует подчеркнуть, что «естественные законы» правонарушителей охраняются не только силой мнения (как в других общностях лю-

дей), но и физическим, часто изощренным насилием над лицами, нарушившими их.

Нередко в исследуемых социумах культивируются ритуалы и обряды. Данные элементы субкультуры всегда сопряжены с переломными моментами в жизни человека, они аккумулируют в себе мысли и чувства, вызванные установлением, изменением или прекращением важной для человека социальной связи. Для представителей отдельных групп наиболее характерны ритуалы «клятвы» и «присяги» сообществу, а также обряд «проверки» вновь принятого члена криминального образования.

Подобно многим замкнутым ассоциациям, рассматриваемый мир создает и свой, отличный от иного, «субкультурный язык» («язык-жаргон», «блатная музыка», «феня», «байковый язык»). Кроме того, в среде привычных правонарушителей всегда культивировался обычай присваивать друг другу клички, наносить на тело татуированные символы. Эмоциональная их деятельность находит отражение в блатных стихах, песнях, пословицах и прочих атрибутах общения. Особая роль в «другой жизни» принадлежит играм и развлечениям. То есть преступники, отвергая элементы традиционной культуры, создают свои гипертрофированные ценности антикультуры.

Из перечисленных составных частей исследуемого феномена на первое место по криминологической значимости следует поставить язык-жаргон.

Всевозможные словари дают приблизительно одинаковое толкование термина «жаргон», а именно: «Своеобразный разговорный диалект, имеющий хождение в небольшой социальной группе и отличающийся от общенародного языка употреблением специфических выражений, понятных лишь тем, кто владеет этим диалектом». «Словарь русского языка» С. И. Ожегова существенно дополняет сказанное тем, что речь идет о группе, объединенной общими интересами, в нашем случае – криминальными¹⁶.

Употребление специфического языка в замкнутой среде имеет свою длинную историю. Например, в XVIII в. бродячие торговцы общались между собою на так называемом «офинском языке». Этот язык-жаргон позволял им охранять корпоративные тайны, связанные, как правило, с торговлей. Жаргон же преступного мира развивается, по мнению ряда исследователей, с начала XIX столетия¹⁷.

На этапе становления он во многом опирался на язык коробейников-офеней (бродячих торговцев), отсюда в отдельных источниках приводится и название уголовного жаргона – «феня». Объяснение этому лежит на поверхности, так как широкое распространение он имел в среде бродяг, занимающихся криминальным промыслом.

---

¹⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986.

¹⁷ Романов Е. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык (любецкий диалект) // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. * «По музыке ходить» – занятие воровством. Отсюда, наверное, произошло название уголовного сленга – «блатная музыка».

Отдельные выражения их фенинского сленга сохранились и используются в криминальной среде, например: «сары» – деньги, «варнацкое слово» – честное слово, «вздерщик» – крадущий при замене денег, «лопатник» – бумажник, «кле-
вый» – хороший, «хилый» – плохой, «лох» – мужик.

К началу XX столетия он проникает в большие города и культивируется в среде отвергнутых обществом. Нищие, воры, грабители вели обособленный образ жизни и обладали своей системой коммуникативных связей. Поэтому не случайно французский писатель В. Гюго назвал жаргон преступного мира «языком пребывающих во мраке». В это же время «уголовный язык» чаще всего стали именовать «блатной музыкой». Для отвергнутых «блатная музыка» прежде всего была неким средством защиты от окружающего мира: с помощью жаргона можно было надежно скрыть свои замыслы, безопасно обмениваться необходимой информацией.

Научные и литературные источники рассматриваемого периода не указывают на какие-либо ответвления в жаргоне, связанные с криминальными ориентациями его носителей. Первое упоминание о делении субкультурного языка относится к сороковым годам прошлого века. Ж. Росси в своей книге пишет: «После разгрома одесского центра уголовщины в начале 40-х гг. наблюдается обновление жаргона, который стал иногда даже непонятен тем, кто знает лишь стар-
рый»¹⁸.

---

¹⁸ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. С. 37.

В настоящее время следует учитывать, что в различных по роду деятельности делинквентных группах имеются свои сугубо специфические слова и выражения. Так, у карманных воров насчитывается более 400 узко специальных терминов, присущих только им¹⁹. Их ремесло требует особой тренированности и выдержки. «Утонченность мастерства вора-карманника, – пишет В. Чалидзе, – чувствуется и по характеру жаргонных слов, относящихся до карманной покражи; никакому другому воровскому ремеслу не созвучен так термин – ласкать – один из синонимов слова воровать. Основной и наиболее надежный инструмент карманных краж – пальцы вора, которые на жаргоне именуются работнички; реже применяются щупальцы – специальный пинцет, а при грубой работе – жулик, очень острый маленький ножик для разрезания карманов снаружи (работа с росписью)»²⁰.

Лица с иной криминальной «профессией» применяют иные термины. Например, в среде наркоманов распространены следующие сленговые выражения: «ампуляк» – ампула морфия; «анаша» – наркотическое вещество, изготовленное из конопли; «антрацит» – наркотик, кокаин; «баян» – шприц; «бешеные» – наркотики; «галечка» – доза анаши; «глотать колеса» – принимать таблетки, содержащие наркотические вещества; «дурь» – наркотик (анаша, опий); «марфуша» – морфий; «кайф», «кейф» – состояние наркотиче-

---

¹⁹ Мильяненко Л. А. Сотруднику органов внутренних дел. Л., 1981. С. 6.

²⁰ Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 98.

ского опьянения.

Примерно такую же картину можно наблюдать у мошенников-наперсточников, похитителей антиквариата и в других подобных образованиях.

Немалая часть своеобразного словаря посвящена понятиям, относящимся к действиям правоохранительных органов, стадиям уголовного процесса и его участникам. Прокуроры, милицейские чины, судебные работники, адвокаты, свидетели, потерпевшие – все имеет свои названия, например «кум» – оперуполномоченный уголовного розыска или исправительного учреждения, «болтун» – адвокат, «гусь» – свидетель, «терпила» – потерпевшее лицо.

Специалисты указывают, что на сегодняшний день уголовный жаргон включает более десяти тысяч слов и выражений, что значительно больше, чем в преступном мире царской России. Вместе с тем ряд условных обозначений с тех пор не претерпел изменений. Отдельные же жаргонные понятия канули во времени вместе с соответствующими им криминальными видами деятельности. Так, уже не встречаются выражения типа: «рыболов» – обрезающий чемоданы с задков экипажей, «кооператор» – ворующий из продовольственных лавок, «понтщик» – собирающий толпу скандалом и обкрадывающий любопытных и др.

К внешней атрибутике криминальной субкультуры следует отнести и институт татуировок.

Татуировка – нанесение на тело рисунков, текстов, аббре-

виатур путем введения под кожу красящих веществ.

Слово «татуировка», как полагают одни исследователи, происходит от полинезийского слова «тату», что означает «рисунок», или слова «тики» – имени бога полинезийцев, установившего, по преданию, татуировку. Другие исследователи утверждают, что слово «татуировка» производно от корня «тау», соответствующего явайскому «тату», т. е. «рана», «раненый».

Доктор Гелльштерн в работе «Татуировки у преступников» о происхождении термина «татуировка» пишет, что его привез мореплаватель Кук с острова Гаити, где местные жители наносили ее для отметки членов племени в знак наступления половой зрелости, особых заслуг перед племенем, из суеверия и т. д.

Первые сведения о татуировке среди европейцев, по сообщению профессора Рикке, относятся к началу XVIII в., когда на ярмарках стали появляться люди, которые за деньги демонстрировали свое татуированное тело. С тех пор татуировка очень быстро распространилась среди некоторых групп населения (моряков, военных, бродячих артистов). В рассматриваемый же период татуировками начали клеймить проституток, лиц, склонных к обману в торговых делах.

Однако постепенно основными носителями татуированных символов стали преступники. Они восприняли этот обычай еще в XIX в.

Одним из первых на широкое распространение татуиро-

вок среди лиц, совершивших преступления, обратил внимание Чезаре Ломброзо (1835–1909 гг.), итальянский врач-психиатр, который рассматривал татуировку как проявление атавизма и как признак нравственно дефектных, неполноценных людей. Ломброзо считал, что ее носителями являются определенные антропологические типы, в большинстве случаев прирожденные проститутки и прирожденные преступники.

В данном случае великий психиатр и криминолог, как доказывают многочисленные факты, явно ошибался.

Любопытны высказывания французского криминолога Тарда. Он пишет: «У матросов и даже у солдат, но особенно в среде преступников – заметим, что никогда у сумасшедших, – иногда делаются фигурные надрезы на коже. Не остатки ли это татуировки, сохраненные атавизмом, как считает Ломброзо, той татуировки, которая была распространена у наших невежественных предков? Мне кажется более вероятным то предположение, что этот обычай остался не от предков, а от моды»²¹.

Хотя это рассуждение и не раскрывает всех глубинных причин данного явления, но оно ближе к истине, чем мнение Ломброзо.

На наш взгляд, татуировка для субкультурной личности является тайным языком общения с себе подобными как на свободе, так и в пенитенциарных учреждениях. Она за-

---

²¹ Тард Г. Сравнительная преступность. Пер. с франц. М., 1907. С. 50–51.

крепляет принадлежность лица к определенной асоциальной общности²², информирует о его неформальном положении (статусе) и криминальных заслугах, кроме того, передает его мысли и социальные установки. Выработка символики преступного мира диктовалась различными обстоятельствами. Менялись искаженные ценностные ориентации, происходили и ревизии, переоценки рисунков.

Непременным атрибутом криминальной субкультуры выступают также клички (прозвища), в которых рельефно проявляются особенности неформальных взаимоотношений в среде отверженных.

Вряд ли какой-либо другой области криминологии было уделено так мало внимания, как обозначенной нами проблеме. Проведенный библиографический поиск свидетельствует о том, что у нас в стране специальных исследований по этому вопросу не проводилось. Современная литература по проблеме носит преимущественно справочный характер. Конечно, подобные источники весьма важны для правоохранительной деятельности, но их широкое использование происходит главным образом в криминалистических целях. Между тем данный элемент субкультуры содержит и другую

---

²² Своеобразную роль они получили в отдельных преступных сообществах, членство в которых всегда закреплялось татуированными символами. Например, пожатие двух рук, окруженное гирляндой из цветов, – татуировка членов преступной шайки Франции прошлого века. Две заглавные латинские буквы «ТУ» – символ воровских группировок в Германии. Существовали и существуют подобные татуировки и в криминальных образованиях России.

информацию, значение которой нельзя недооценивать.

Генезис кличек обусловлен действием ряда факторов, среди которых, прежде всего, следует выделить укоренившуюся в русском народе традицию именовать инородцев прозвищами. Лица из криминальной среды строго руководствуются данным установлением. Расовая принадлежность, национальность индивида преступного мира являются безусловным основанием для присвоения ему весьма определенного прозвища. «Косоглазый», «хохол», «жид», «малайка», «кавказец» – вот далеко не исчерпывающий перечень кличек, культивируемых в среде отверженных. В чем, как нетрудно заметить, они весьма солидарны с большинством русского населения.

Происхождение кличек также связано с характерологическими особенностями личности. В любом замкнутом социуме издавна принято присваивать клички лицам, обладающим какими-либо выраженными физическими недостатками, особенной наружностью или своеобразным характером («хромой», «лютый», «горбатый» и др.). Кроме того, прозвища могут быть производными от имени или фамилии лица, к примеру: Кузнецов – «Кузя», Иванов – «Иван», Сайфутдинов – «Сайфуша».

Исключительная роль принадлежит кличкам, обусловленным субкультурой принадлежности, статусом лица в групповой иерархии, спецификой преступной деятельности. Именно в подобных кличках подчас находят отражение

криминальные ценности и нормы. При этом они выполняют несколько взаимосвязанных функций: заменяют фамилии, закрепляют статус в групповой иерархии, служат устойчивым средством деперсонализации (путем наделения оскорбительным прозвищем) или же персонализации личности (путем присвоения престижной клички)²³.

Не следует забывать и защитную функцию кличек, когда средством ухода от преследования правоохранительных органов нередко выступало сокрытие подлинной фамилии кличкой или же ее неоднократная замена.

Обозначенные в исследовании элементы субкультуры, служащие одним и тем же антиобщественным целям и идеалам, поддерживают друг друга, образуя прочную цепочку искаженных ценностных ориентаций, сильную своеобразной цельностью. Их антисоциальная сущность вытекает из содержания и функциональной реализации, она проявляется в том, что оказывает доминирующее влияние на формирование особой личности привычного правонарушителя.

Очевидно, любая личность складывается в процессе ее жизнедеятельности в социальных группах и на основе природных задатков. В связи с этим криминологов издавна интересовало, как ближайшее окружение человека (микросреда) детерминирует его преступное поведение и образ жизни.

---

²³ Прозвища «авторитетов» уголовной среды: «Питерский», «Орех», «Жулик», «Аристократ», «Япончик»; клички «отверженных»: «Фанера», «Маруська», «Помойка», «Чушкар».

Серьезные научные разработки в этом направлении проведены Ю. М. Антоняном, И. И. Карпецом, Н. С. Лейкиной, В. Ф. Пирожковым, С. В. Познышевым, Г. Ф. Хохряковым, И. В. Шмаровым и др. Они доказали: типические особенности, различия типов личности преступника коренятся в особенностях структуры отношений, субъектом которых является данная личность, в специфике ее противоправной деятельности²⁴. Сходства и различия в положении правонарушителей порождают целую систему индивидуального асоциального сознания, а стало быть, и систему типов личностей с отклоняющимся поведением.

Субкультурная (экзогенная)²⁵ личность от всех прочих правонарушителей отличается комплексной деформацией ценностно-нормативной сферы. Объяснение этому надлежит искать в особенностях десоциализации личности, которая складывается в своеобразной среде, где культивируются ценности, прямо противоположные общепринятым в обще-

---

²⁴ Перечисленные исследователи и автор настоящей монографии не стоят на позиции отрицания влияния генетических, психических особенностей личности на ее противоправное поведение. Отвергая идею о прирожденности преступности, нельзя, вместе с тем, предполагать, что человек – *tabula rasa* (чистая доска), на которую ближайшее окружение кладет свою печать. Доказано, что люди рождаются не с одинаковыми умственными способностями, дарованием и чувствительностью. Биологическое в человеке всегда выступает в качестве материальной предпосылки развития его социальной сущности.

²⁵ Экзогенный преступник – лицо, вставшее на преступный путь в силу внешних (экзогенных) факторов, т. е. причин, лежащих в окружающей преступника внешней среде (см.: Познышев С. В. Очерки тюремного поведения. – М., 1915).

стве.

Процесс десоциализации человека включает усвоение им идей, установок, предрассудков, взглядов на жизнь и ценностей, существующих в группе. К этому следует добавить, что его индивидуальный криминальный опыт дополняется опытом его окружения.

Отсюда, важнейшей чертой такой личности является наличие у нее антиобщественных убеждений, интересов, потребностей, отрицательного отношения к существующим нормам морали и права. Конечно, подобные черты могут быть и у иных лиц, но указанные качества у различных людей различны по своему набору, направленности и устойчивости. Для личности привычного правонарушителя характерно то, что эти качества составляют ее социальную сущность, определяют ее статус, функции, нравственные характеристики. Поведение таких людей в значительной степени определяется криминогенно заряженными идеями и системой искаженных ценностных ориентаций окружения.

Таким образом, на основе проведенного анализа исследуемого явления и имеющейся на этот счет литературы можно сделать вывод, что криминальная субкультура представляет собой своеобразную межличностную связь привычных правонарушителей в относительно замкнутой среде, основанную на системе искаженных ценностных ориентаций, языке-жаргоне, знаках-символах, которые выступают регулятивными установлениями, принципами, представления-

ми, правилами и внешними атрибутами совместной противоправной деятельности и антиобщественного образа жизни.

Искаженные ценностные ориентации стабилизируют в группе асоциальный образ жизни и соответствующую линию поведения, вызывают у ее членов чувство неприятия истинно гуманных ценностей общества. Названные факторы не могут не влиять на формирование специфичных свойств личности привычного правонарушителя.

§ 3. Классификация криминальных подкультур в обществе

Классификация необходима в любом деле, в любой отрасли знаний. Классификация – это практическое распределение явлений, материалов или понятий в какой-либо сфере деятельности, области знаний на части, классы, категории, группы, подгруппы, виды по определенным отличительным признакам. Классификация в научных исследованиях не является самоцелью. Она осуществляется в целях расширения познания определенных свойств, признаков, черт исследуемого предмета. Научно обоснованная классификация субкультурных отношений позволит, на наш взгляд, уяснить механизм функционирования различных по своей противоправной ориентации криминальных групп. Изучение преступности и преступников методом отобранных по признаку неформальной принадлежности групп позволит дать им четкую криминологическую характеристику.

Обозначенное направление исследования, безусловно, имеет и чисто практическое значение для деятельности правоохранительных органов.

Классификация субкультурных отношений, как и любая классификация, возможна по разным основаниям (признакам), в разных аспектах, с разными целями.

Очевидно, что все отношения в обществе можно разде-

лить на позитивные, т. е. соответствующие его нравственным устоям и способствующие социальному прогрессу, и негативные, как противостоящие нравственным отношениям и сдерживающие, тормозящие социальный прогресс, так и активно им противоборствующие (антиобщественные, криминальные).

В свою очередь, субкультуру преступного мира принято подразделять на общую, характерную для всех преступных элементов независимо от криминальной направленности субъекта, и производные от нее подкультуры, характерные для определенной категории таких лиц и их групп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.